

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ЛУГАНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени ВЛАДИМИРА ДАЛЯ**

ВЕСТНИК

**ЛУГАНСКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени ВЛАДИМИРА ДАЛЯ**

**№ 9 (15)
2018**

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ШЕВЧЕНКО ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ: ЖИЗНЬ И
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ДЕЯТЕЛЯ ЛУГАНЩИНЫ»
(к 100-летию со дня рождения)**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Луганск 2018

ВЕСТНИК

ЛУГАНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ ВЛАДИМИРА ДАЛЯ

№ 9 (15) 2018

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ОСНОВАН В 2015 ГОДУ
ВХОДИТ В БАЗУ
РИНЦ

ОСНОВАТЕЛЬ

Луганский национальный университет
имени Владимира Даля

Журнал зарегистрирован в Министерстве
информации, печати и массовых коммуникаций
Серия № ПИ 000108 от 08 июня 2017 г.

Свидетельство о государственной регистрации
Издателя, изготовителя и распространителя
средства массовой информации

МИ-СРГ ИД 000003 от 20 ноября 2015г.

VESTNIK

LUGANSK VLADIMIR DAHL
NATIONAL UNIVERSITY

№ 9 (15) 2018

THE SCIENTIFIC JOURNAL
WAS FOUNDED IN 2015
INCLUDED INTO THE BASE OF
RISC

Founder

Lugansk Vladimir Dahl
National University

Journal is registered by the Ministry of Information,
Publishing and Mass Communications
Series № PI 000108 of June, 08 2017

State Registration Certificate of Publisher,
Producer and Distributor of means of mass
information

MI-SRG ID 000003 of November, 20 2015

Журнал включен в перечень научных изданий ВАК ЛНР (Приказ МОН ЛНР № 8-ОД от 08.01.19) в котором могут публиковаться результаты диссертационных работ на соискание ученой степени доктора и кандидата физико-математических, химических, технических, экономических, исторических, философских, филологических, юридических, педагогических, психологических, социологических наук.

ISSN 2522-4905

Главная редакционная коллегия :

Рябичев В.Д., докт. техн. наук, (главный редактор),
Гутько Ю.И., докт. техн. наук, (зам. главн. редактора),
Витренко В.А., докт. техн. наук (зам. главн. редактора),
Авершин А.А., канд. техн. наук,
Андрійчук Н.Д., докт. техн. наук,
Артемченко В.А., докт.экон. наук,
Атоян А.И., докт. филос. наук,
Белых А.С., докт. пед. наук,
Болдырев К.А., докт. экон. наук,
Будиков Л.Я., докт. техн. наук,
Гедрович А.И., докт. техн. наук,
Губачева Л.А., докт. техн. наук,
Дейнека И.Г., докт. техн. наук,
Дрозд Г.Я., докт. техн. наук,
Евдокимов Н.А., докт. ист. наук,
Ерошин С.С., докт. техн. наук,
Захарчук А.С., докт. техн. наук,
Замота Т.Н., докт. техн. наук,
Исаев В.Д., докт. филос. наук,
Клименко А.С., докт. филол. наук,
Коваленко А.А., канд. техн. наук, проф,
Кожемякин Г.Н., докт. техн. наук,
Коробецкий Ю.П., докт. техн. наук,
Кривоколыско С.Г., докт. хим. наук,
Крохмалева Е.Г., канд. пед. наук,
Корсунов К.А., докт. техн. наук,
Куликов Ю.А., докт. техн. наук,

Лазор В.В., докт. юридич. наук,
Лазор Л.И., докт. юридич. наук,
Лустенко А.Ю., докт. филос. наук,
Ляпин В.П., докт. биол. наук,
Максимова Т.С., докт. экон. наук,
Максимов В.В., докт. экон. наук,
Мечетный Ю.Н., докт. мед. наук,
Мирошников В.В., докт. техн. наук,
Мортиков В.В., докт. экон. наук,
Нечаев Г.И., докт. техн. наук,
Панайотов К.К., канд. техн. наук,
Родионов А.В., докт. экон. наук,
Рябичева Л.А., докт. техн. наук,
Санжаров С.Н., докт. ист. наук,
Свиридова Н.Д., докт. экон. наук,
Семин Д.А., докт. техн. наук,
Скляр П.П., докт. психол. наук,
Слащев В.А., канд. техн. наук, проф,
Старченко В.Н., докт. техн. наук,
Тарарычкин И.А., докт. техн. наук,
Тисунова В.Н., докт. экон. наук,
Ульшин В.О., докт. техн. наук,
Утутов Н.Л., докт. техн. наук,
Фесенко Ю.П., докт. филол. наук,
Шамшина И.И., докт. юридич. наук,
Шелюто В.М., докт. филос. наук,
Яковенко В.В., докт. техн. наук

Ответственный за выпуск: Бельдюгин В.А.

Рекомендовано в печать Ученым советом Луганского национального университета имени Владимира Даля (Протокол № 1 от 25.09.2018 г.)

Материалы номера печатаются на языке оригинала.

© Луганский национальный университет имени Владимира Даля, 2018
© Lugansk Vladimir Dahl National University, 2018

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА ПО СОХРАНЕНИЮ ДУХОВНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ЮГО-ЗАПАДНЫХ ОКРАИН РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. <i>Бельдюгин В.А.</i>	7
ПОВЫШЕНИЕ РОЛИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ ВЛАСТИ В СФЕРЕ СВЕТСКОГО И ДУХОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (80-е гг. XIX в. – начало XX в.) <i>Бельдюгина И.Ю.</i>	17
ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ УССР В 1921-1929 ГОДАХ <i>Величко С.А.</i>	26
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ ГОРОДА ЛУГАНСКА В ОБЛИКЕ ЕГО УЛИЦ КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКОВ <i>Величко С.А., Мирошко Д.С.</i>	35
НЕМЕЦКОЕ "СПОНСИРОВАНИЕ" В.И. ЛЕНИНА: ИСТОРИКО-АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ <i>Дементьева Т.С., Шашнин В.В.</i>	45
ГЕНЕЗИС И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ АНТИДАРВИНИЗМА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ <i>Дементьева Т.С., Шопин И.А.</i>	51
«ДА ЗДРАВСТВУЕТ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ!»: О ЧЕМ ГОВОРИЛ ЛЕНИН С БРОНЕВИКА? <i>Заяц Н.А.</i>	57
КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА В АСПЕКТЕ КОММУНИКАЦИИ <i>Каминская О.В.</i>	66
КУЛЬТУРА СЛУЖАЩИХ АРХИВНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ УКРАИНЫ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА <i>Каминская О. В., Омельяненко И. А.</i>	76
ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ <i>Каминская О.В., Сергеева Н.В.</i>	83

УДК 304.44

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА В АСПЕКТЕ КОММУНИКАЦИИ

Каминская О.В.

BOOK CULTURE IN THE ASPECT OF COMMUNICATION

Kaminska O.V.

В статье рассматривается книжная культура в аспекте культурной коммуникации. Автор наблюдает современный кризис книжной культуры. На современном этапе развития культуры необходимыми становятся визуальные источники и способы передачи информации. Книга утрачивает свое первоначальное значение.

Ключевые слова: визуализация информации, книга, книгопечатание, книжная культура, коммуникационная культура.

Постановка проблемы. Ускорение информационных процессов изменило роль книги. Книга классически подразумевается как основание культурной передачи. Однако сегодня в ней ищут то, что необходимо здесь и сейчас. Место проживания жизни с книгами заняло просматривание книги на предмет актуальной здесь и сейчас информационной пищи. Быстрое извлечение из оперативной памяти информации постоянно теснит эрудицию и эрудитов.

Книжную культуру можно рассматривать как продолжение истории письма, а книгопечатание – как смену базиса культурных коммуникаций в период перехода от средневековой культуры речи и слуха к возрожденческой культуре визуального ряда и линейной перспективы.

Анализ последних исследований и публикаций. Медиолог М. Маклюэн в современной ситуации увидел вступление сакрального бесписьменного человека в пространство письменного профанного человека. Р. Дебрэ рассматривает роль книги в информационном перевооружении человечества. Т. Г. Лешкевич обращает внимание на глубинный смысл передаваемого книжного знания философских оснований в условиях быстрой смены информационной картины мира. Й. Хейзинга рассматривает эстетизацию средневековья как мощный фактор перемен в сетях коммуникаций позднего Возрождения, поворота к прикладному и утилитарно ориентированному прочтению глубокой старины, как предпосылку смены перспективы в сторону якобы вернувшейся античности.

Цель исследования. Целью исследования является рассмотрение феномена книгопечатания в культуре и открытия книжного текста как источника информации в аспекте культурных коммуникаций.

Основная часть. Гуманизм XVI века открыл в книге источник знания. Акцентируя различие духовного лица и мирянина, гуманизм одновременно утвердил светскую книгу как часть коммуникаций светской культуры –

тиражирования необязательного знания. Хотя поначалу книга слишком дорога, чтобы играть роль вещи-украшения. Знание в светской культуре первоначально – не украшение или роскошь, не эстетика и психология, а способ преодоления жизненных и практических затруднений.

Книга – ещё не средство возвращения в архаику, но средство преодоления одномерного космоса сакральной ориентации человека. «Есть много, друг Горацио, на свете...», то есть не вся мудрость дана в одном источнике. Расширение чувственного мира и его видение зрением совпало с эпохой географических и астрономических открытий неслучайно. Переход к новым инструментам знания – продолжением человеческого духа – с неизбежностью требовал продолжения человеческой души (психики) и человеческого тела (инструментов его обслуживания в том числе).

Смесь технологий в их влиянии на дух, душу и тело создавал культурный синтез способностей, доминанта которых должна была определить характер следования от причин к результатам. Результатом стало формирование видимого мира как реальности зрительного чувства. Понять – значит представить.

Книжное видение – повод для образования представлений на основе текстов, заданных хронологической, пространственной перспективой смены событий и лиц. Зарождается историческое сознание, формируется гуманистическое представление о носителе знания как первопроходце в мир неизвестного, нового, невиданного в веках прежде нас.

Знак и значение не отделены от чувства, для этого ещё нет всех предпосылок. Культурная коммуникация в книжной сфере подразумевает ускорение обмена ценностями, потребностями, вкусами, даже способностями,

титанизмом – всемогуществом мыслящего человека.

Под культурой коммуниканты тех времён часто понимали собственную судьбу: выпало жить в таких-то условиях, значит, это рок, ананке, фатум, счастливая судьба или судьба-злодейка. Однако появление печатной культуры сразу подменяло план содержания планом выражения.

А план жизнестроительства подменялся планом перестройки в определённой перспективе. Человек становился частью технологии преобразования знаков, подразумевавших изменчивость чувственного мира, доступного руководству посредством смены значений. Религиозные войны добавили стремительности сменам ориентаций. Формула Аугсбургского мира «чья власть, того и вера» задавала идеологические координаты развитию книжной культуры. Аппарат цензуры постепенно совершенствовался в отборе посланий лояльности и отсеке посланий сомнения.

Книга, в отличие от электронных коммуникаций, задавала тон движению культурных тенденций, не оставляя реципиента без водительства. Возвращение дописанных и допечатных мотивов поведения в сети электронных средств коммуникации, воскрешение мира без мейнстрима смыслов, но в парадигме чувственного комплекса для человека книжной культуры выглядит слишком экзотично. Со времён изобретения письма печатный станок Гуттенберга – важнейшая веха в истории культурных коммуникаций, подготовившая нового человека, новые нравы и само новое время, коренным образом изменившие положение человека в космосе и положение способности видеть среди человеческих чувств.

Чтение вслух направляло темп чтения. Культура чтения была предназначена своими

плодами слушателю и его убеждала. Искусство читать сродни искусству убеждать. Отсюда выражения «читать лекцию», «читать мораль», «читать в сердцах», «читать проповедь» и так далее. Чтение вслух вызывает синестезию, или взаимодействие всех чувств. Читает, по сути, всё тело человека, испытывая характерные вибрации от звука голоса. Существо захватывает идея, образ или действие в воображении слушателя, переданное читающим. Культурная коммуникация выступает контактом с существом носителя – его психикой. Но вот видение приходит на смену слушанию. Линии букв просматриваются «про себя». Функции чтения уточняются. Текстура выходит вперёд. Текстура – ткань, гобелен, расшифровывает этимологию Маклюэн [4, с. 125]. Первоначально так воспринимался готический шрифт. Книгопечатание сохраняло чтение вслух, но ускорение чтения и переход к визуальному чтению заметно приблизились. Первые книги читались, как и первые рукописи в специально нанятых помещениях, так было при Таците, но так было и в эпоху гуманистов. Печатную страницу первоначально воспринимали как графический аналог изображения, и это симптом эпохи видения. Сам переход к видимой культуре современниками не осознавался. Опыт общения с печатным словом менял моторные и психологические привычки читающего человека. Коммуникация всегда требует соответствующей среды, встроенной в саму коммуникацию как материал, композиция, горизонт или ограничитель. Память средневекового человека более избирательна, хранение лишнего материала сокращает пространство необходимого. Накопление посредством книжного знания создаёт галактику знаний, которые могут быть компактно упакованы и переданы эффективнее,

чем средневековые суммы с их бесконечными повторами.

Поэтическое чтение ради ушей и чтение глазами ради понимания по-разному структурировали не только память, но и внимание. Роль культурной коммуникации в изменении памяти и внимания более подробно рассматривается в психологических аспектах коммуникации. Так, святой Бенедикт пишет о чтении, чтобы слышать, чтении, чтобы понимать, чтении молча, чтении для себя [4, с. 136].

Средневековые коммуникации породили соответствующий способ хранения и воспроизведения знаково-символических сообщений. Школьная премудрость – схоластика – оставалась примером приобщения к культуре. Двумя основными способами передачи премудрости выступали методическое следование и афористическое высказывание.

Методическое следование отстаивало логический характер правильного использования коммуникации и предназначалось для высших форм схоластического образования, в частности, для католического богословия.

Афористическое высказывание требовало эрудиции и накопления интеллектуальных богатств при свободном ассоциативном строе обмена знанием, оно обращено к светской культуре и зачаткам знания, обращённого к широкой аудитории. Трудно найти в этих способах начала массовой и элитарной культуры коммуникации. Скорее, мы видим продолжение разделения знания на экзотерическое (для всех) и эзотерическое (для избранных), хотя принципы разделения уже отошли от античного способа трансляции, где большую роль играл диалог. Афоризмы рассматривались как квинтэссенция знания и передача в образной форме связей и отношений между явлениями мира и их отражениями.

Сущность коммуникации книжного знания заключалась не в его системности, а в самом наличии связей всего со всем. Это повторение мифологии, но в новой форме, ставит проблему соотношения в коммуникации не только формы и содержания, но достоверного и правдоподобного знания. Средневековые отдаёт предпочтение образному сравнению и правдоподобному рассуждению. Стремление к достоверности и систематичности представлено другими разновидностями схоластики.

В XII веке знаменитый спор об универсалиях получил разрешение в концептуализме Пьера Абеляра, признавшего реальность единичных вещей против общих понятий и сходных признаков против суммы различий. Раймунд Луллий описал одну из первых логических машин для выявления правильных суждений, что вместе с логическим квадратом Михаила Пселла дало инструменты отсекающие недостоверных суждений. «Искусство памяти» Луллия ставит главной задачей запоминание целых комплексов знаний, пользуясь принципами аналогии. Поиск аналогии составляет суть организации средневекового знания и соответствующей ему коммуникации. Однако было бы упрощением говорить о том, что культурные коммуникации рукописного знания ограничивались формальными процедурами. Знание росло вглубь и вширь и к моменту появления книгопечатания уже подготовилось к качественному скачку в область видимого мира, где всё является продолжением человеческого глаза как источника знаний о мире. Понять – значит увидеть, но так не было раньше. Афоризмы нуждались в накоплении наблюдений, а те обобщались в суммах, представлявших собой перечни доказательств, полученные отчасти методически, отчасти по наитию.

Представление о науке как о чём-то цельном и законченном считалось вершиной мудрости, а передача мудрости – смыслом коммуникации. При этом не прикладная, а фундаментальная мудрость господствовала до XVI века, то есть до начала книгопечатания. Авторитет высказывания слишком долго зависел от ссылки не на событие, эксперимент, опыт или случай, но прежде всего на текст. Ссылка одного текста на другой, более авторитетный – вот схема правильной внутрикультурной коммуникации. Всякое жизненное происшествие сразу же могло найти зеркальное отражение в примерах и типичных ситуациях из Библии, литературы или истории, отмечал Й. Хёйзинга в «Осени Средневековья» [5, с. 253]. В XII веке она звучала так: «Всё в Библии, а то, чего нет в Библии, разъяснил Аристотель, а чего нет у Аристотеля, то даёт Великий Комментатор – Аверроэс». Такова мудрость Падуанской школы. В этой школе присутствуют логические аргументы язычника, Аристотеля и мусульманина Аверроэса почти уравнивались с библейскими притчами. Дальневосточный образ коммуникации по поводу достоверного и правдоподобного знания строился на древнекитайском опыте, получившем затем название китаизма: «Не ищи ничего на стороне, тем более у варваров, всё великое у великих учителей древности».

Тем не менее, развитие книжного дела открыло новые возможности коммуникативной культуры. Уже переход от романской к готической архитектуре имел значение для организации человеческих чувств: собиранию света в предназначенном для него месте, окружённом массивными стенами, противостоит прозрачный, рассеивающий свет готического храма, устремлённого вверх. Цветное стекло позволяет создать эффект прозрачной, просвечивающей сквозь стены архитектуры. Соотношение чувств не

сводилось к доминанте одного чувства, что затем будет сменой тактильной чувственности на визуальную и закрепится в эпоху визуальной культуры и книгопечатания. Именно конфигурация чувств, другая чувственная организация наследует письменную культуру как книжную, но уже печатную. Смотреть сквозь текст приучали, чтобы увидеть его не буквально, а аллегорически, доходя до толкования отдельных букв (в нашей культуре развитая стадия такого толкования дана уже в XVIII веке у Григория Сковороды).

Что же видит культурная коммуникация сквозь текст, какие шифры бытия открывает? В чувстве средневековье также видело и разум. Просвечивание сверхчувственного предполагало и явление сверхразумного, то есть божественность творимого и тварного мира. Перед коммуникацией средневековья не ставилась задача информационного обмена между себе подобными, а ставилась задача рецепции мудрости извне, свыше. Вертикаль коммуникации создавала необходимое оформление интенциям коммуникации, направленной на потусторонний, или имманентный мир Бога. С ним предполагался высший тип коммуникации, от него ожидалось Откровение – последняя ступень мудрости. Однако светская роль коммуникативных средств постоянно возрастала, и книжность на печатном станке создала предпосылки для её окончательного отрыва от вертикальной коммуникации как изначально заданной.

Ссылка на светские источники становится со временем не менее мощным средством коммуникативного взаимодействия внутри и тем более вовне данной культуры. Мир познавательных сил расширен и умножен.

Средние века нуждались в комфорте, который выступал, по сути, организацией пространства. Вся коммуникация рассчитана на произнесённое вслух слово. Книжная культура

чужда такого понимания конфигурации чувств. Книга становится более интимным и светским источником ощущений и не нуждается в больших дистанциях для слушателя или читателя.

Буквальный смысл текста передавался в первую очередь. Однако возникало искушение: буквальный текст не единственный. Аллегорический, символический, мистический и иные способы освоения коммуникативного послания также важны, а возможно уже включены в буквальный смысл. Развитие книжной коммуникации зависело от доминирования того или иного способа. Линейная перспектива дала шанс видимой культуре потеснить слуховую и тактильную. Глаз получил первенство в деле истолкования. Мы такие, какими нас видят, – скажет книжник XX века Ж.-П. Сартр, как бы суммируя настроенность книжной культуры на видимый мир.

Рост потоков информации постоянно усиливал визуализацию знания и до изобретения книгопечатания. Художественная перспектива задана уже деятелями Возрождения Мазаччо и Ван Дейком в живописи, а в 1435 г. за десять лет до станка Гуттенберга, описана Альберти в трактате по живописи и перспективе [4, с. 68]. Технически это центральная проекция трёхмерного пространства на плоскость, в нетехническом смысле – способ изображения на плоскости отношений объектов таким образом, что создаёт иллюзию повторения их отношений в действительности. И этого не было у древних греков. Это новое слово в восприятии закреплено всей книжной культурой. Отношения в действительности предполагались такими, каковыми они могли быть описаны. Пропорциональность изображений отражала предполагаемую пропорциональность отношений события и людей в

действительности, в истории или в будущем времени. Визуальное восприятие победило конфигурацию чувств, обращённых к слушателю. Коммуниканта-слушателя заменяет коммуникант-зритель. Равенство восприятий нарушено в пользу одного из чувств, которое меняет все другие в их соотношении. Знать – означает теперь видеть собственными глазами. За буквами и словами действительный, а не потусторонний мир. Маклюэн приводит пример анализа этого перехода у Паоло Милано, который свидетельствует об изменении эстетического коммуникативного пространства от эпохи к эпохе. Так, переходя в картинной галерее из зала в зал, посетитель восхищается плотью у Матисса, умом у Пикассо и сердцем у Руо. Книжная культура и новое отношение между чувствами, по сути, раскалывает восприятие по признаку преобладающего обращения к тому или иному аспекту изображения [4, с. 171].

Знание благодаря книге становится всё более прикладным, всепроникающим, не ограничивающимся всемирными темами и явлениями, но тяготеющим к утопии возвращения в античность с её скульптурно увиденным окружением человека как ответа на вызовы. Любовь к роскоши – только частное проявление этой карнавальной разнузданности чувств. Иллюзия предпочтения античных образцов, а на деле творения нового искусства, говорит о том влиянии, которое оказывала традиция: всё великое уже было. Поэтому необходимо не создавать, а возрождать человека в его великолепии на античных образцах – вот подлинная задача развития коммуникативной культуры.

Книгопечатание сделало известными образцы новой науки, науки позднего средневековья. Визуализация идей, их наглядность в виде карт звёздного неба, карт географических открытий, диаграмм и схем

математического знания, графиков агрегатов и тому подобных выражений культурного продукта – свидетельство изменения видения мира в целом и его фрагментов в частности. Силы и энергии, стихии и порывы познавательного пространства закрепляются буквой и глазом как трансформации того, что было таким тусклым и манящим в коммуникациях, рассчитанных на слышимое слово.

Сведение опыта к редукции знания на основе одного единственного чувства не могло не быть обеднением мира познания. Захваченные новым ракурсом люди не сразу осознали масштаб потерь. Чувственность человека изменилась после введения в картину мира фиксированной точки обозрения.

Образ перестаёт быть пластическим организмом [4, с.189]. Вся действительность теперь в восприятии зависит от перемен в точке фиксации. Точка же становится всё более специализированной. Ментальность греков аксиоматична. Ментальность новых европейцев ценностна, аксиологична. Аксиология предполагает иерархию точек зрения на светской основе, на основе специализации знаний. Отсюда многовековой спор факультетов, кто же обобщает истину – философия, естествознание, богословие или же особый специальный метод, до которого взлетят так называемые гуманитарные науки уже в XIX веке, правда, не выдержав испытания диалектикой. Она также будет претендовать на знание всякого знания и всяческое знание. Разделение функций сформировало новую ментальность, господствовавшую до конца XIX века. В основе этой ментальности – культ и практика книжного знания.

Р. Дебрэ приводит пример угадывания роли книги в информационном перевооружении человечества на классическом

сюжете «Собора Парижской Богоматери». В. Гюго говорит: «Книга убьёт знание», но также провозглашает и более существенный тезис: «Типография убьёт священство». Медиологические исследования, то есть исследования средств коммуникации в гуманитарном ключе, ведут к обратному воздействию орудий труда на материал. На парадигмальной оси абсцисс помещается машина или медиум, а на оси координат – новая культурная черта или институт [1, с. 120]. Забавно, что велосипед изобрели после железной дороги.

Тенденция к миниатюризации превратила вещь в знак [1, с.128]. Больше через меньшее превратило ковчег завета, носимый на спине осла, в свёрток папируса в деревянном ларце [1, с. 129]. Эти размышления современного медиолога понадобились для того, чтобы обозначить позицию ангажированности орудий и материалов, средств и устройств в отношении переживания времени коммуникации.

Философ науки Т. Г. Лешкевич обращает внимание на глубинный смысл передаваемого книжного знания философских оснований в условиях быстрой смены информационной картины мира: «строить воображаемые онтологии не менее правомерно, чем воображаемые геометрии... Построение воображаемых онтологий нужно не для описания реальных физических процессов, но для выяснения возможных механизмов, порождающих характерные ситуации в этих процессах. Смысл «воображаемой онтологии» – в наглядном воспроизведении некоторого класса явлений для их понимания, а не объяснения реальных эмпирических данных» [3, с. 81]. Воображаемые картины мира входят в соприкосновение с основательными базовыми данными науки и знания и на равных воспринимаются читателем.

Особо следует остановиться на коммуникации посредством книг в пространстве отечественной культуры и её механизмов передачи наследия. Принятие христианской книжности от Византии было, несомненно, гигантским шагом вперёд для восточнославянского государства и общности Несторовых племён, воплотившейся в феномене культуры Киевской Руси. Там и следует искать корни книголюбия и особенного статуса книжника. Разумеется, книжник – важная фигура обществ средневековой Европы и традиционного Китая, где конфуцианство делило людей на книжников и деревенщину. Но ни в Европе, ни в Китае книжная культура не обрела характера «служения в миру». На Западе книга концентрировалась в университетах, в Китае – в академиях чиновников, близких ко двору. Культурные коммуникации книжной культуры зависели от специальных языков – латыни на Западе, церковно-славянском – на Руси и мандаринском китайском – в Поднебесной. Но именно на Руси книжность оказалась доступнее простым людям, о чём свидетельствуют многочисленные находки берестяных грамот и другие свидетельства.

О письменности важно свидетельство черноризца Храбра (сказание «О письменах, конец IX – начало X столетия): «прежде убо словене не имеху книг, но чертами и резами чьтаху и гадаху». Исследователи считают черты и резы пиктографическими записями и относят их происхождение к первой половине I тысячелетия н.э. Многого можно было фиксировать чертами и резами. Но первые же славянские государства столкнулись с нехваткой сложности в таких записях, что вызвало применение греческих букв без приспособления алфавита к фонетике славян. В.С. Шульгин пишет о том, что такая письменность получила название

протокириллицы. Достоверно известно, что Кирилл во второй половине X века создал глаголицу и на неё переводил церковные книги для славян Паннонии и Моравии. На рубеже X века на территории Первого Болгарского царства на материале греческого алфавита и глаголицы с учётом произношения славян создаётся та азбука, что именуется кириллицей. Ввиду её большей простоты она вытесняет постепенно глаголицу, став у южных и восточных славян единственным алфавитом. Принятие христианства от греков способствовало закреплению кириллицы ввиду допущения церковью богослужения на языках, приобщённых к вере народов [2, с. 29].

Бок о бок с новой формы передачи ценностей – книжностью шло и внедрение школьной формы обучения и передачи духовного наследия. Князь Владимир привлекает к обучению «лучших людей», то есть аристократию. Школу для детей старост и духовных лиц создал в Новгороде Ярослав. Школа при Киево-Печерском монастыре предназначалась для воспитания государственных и духовных лиц [2, с. 30].

В истории культуры прославлены знаменитые книжницы, вошедшие ныне в учебники культуры как пример, достойный продолжения и подражания. Черниговская княжна Ефросинья училась у боярина Фёдора и преуспела в афинской мудрости, грамматике, риторике, философии и языкам обучена. Другая Ефросинья – Полоцкая – овладела книжным знанием и сама писала книги. Книги ценились высоко: «суть реки, напоющие вселенную мудростью», «Аще бо поищещи в книгах мудрости прилежно, то обрящещи великую пользу души своей», «именье книг паче злата», «сладко медвен сок и добро есть сахар. Обо его же добрее книжный разум». Сохранилось примерно 150 книг. Древнейшая – «Остромирово евангелие» дьяка Григория для

посадника Остромира в 1057 году и два Изборника Святослава Ярославича 1073 и 1076 годов. Сначала переписывали в монастырях, но затем в XVIII веке появляются в разных городах ремесленники – «книжные писатели» [2, с. 31]. Рост книжного знания означал перекодирование основных культурных навыков и умений пользования знаниями, их введения в оборот повседневной и праздничной жизни. Священное и светское назначение книги не сразу разделились, и первоначально всякая книга освящается церковью как необходимая или непотребная. Античная основа византийской культуры сыграла положительную роль в расширении именно светских оснований культуры. Духовная диктатура сакрального круга чтения была несколько смягчена.

Но прав и Р. Дебре, особенно применительно к нашему времени. Книга не создаёт читателя, а банк данных не вызывает способности к усвоению знаний. В итоге в школе воцаряется практика изучения отрывков. Физический перенос знаний отождествляется с социальным переносом и социальным продвижением [1, с. 24]. Жёсткая критика современных условий воспроизводства книжности задана не только отбором значимого для карьеры, но и самозамыканием культурных кругов на себя. Школа существует для образования, музей – для выставки, лаборатория – для исследователей, мастерская – для учеников и церковь – для культа [1, с. 25]. Не бывает движения идей, а значит и развития коммуникации без движения людей и благ – паломников и товаров, воинов и посланцев, подвигов и предметов. Нет такого производства ценностей, которое бы не было переработкой подвигов и предметов, а значит, не нуждалось бы во вспомогательных средствах [1, с. 26].

Практики быстрого чтения связаны с развитием способности видеть страницу в целом без проговаривания и артикуляции

голоса, движением глаз, предпочитать обходиться без звукового ряда, но доставлять мозгу возможность считывать послание сверху вниз большими фрагментами. Такое искусство чтения – очень поздний продукт, подготавливающий новый переход от визуального ряда к слуховому. Но на ранних этапах развития книжной культуры рисуночное, иероглифическое и пиктографическое письмо оставляло общность в границах племенного сознания. Без фонетического алфавита, говорит Маклюэн, даже такие общности, как Китай и Индия оставались лишь сообществами племенного сознания. «Ни одна неалфавитная культура не в силах одержать победу над алфавитной» [4, с. 74]. «На основе связи лишённого значения знака с лишённым значения звуком сформировался западный человек» [4, с. 75]. Но всякое преимущество может обратиться в препятствие к перестройке в новой культурной ситуации. Так, сегодня восточные культуры очень быстро приобщаются к культурным коммуникациям, сохраняя одновременно навыки, которых нет у западных культур.

Выводы. Книга, по сути, создала авторов и публику, которые в рукописном мире скорее анонимны, чем подлинны. На них не сфокусировано внимание, в отличие от самого продукта – рукописи, которая, в лучшем случае, передаёт уже установленное.

Печатная продукция создаёт аудиторию и специфические способы её соединения, например, читальные залы – аудитории книжной коммуникации. Книга даёт толчок развитию индивидуализма и самовыражения. Книга вызывает болезнь мегаломании, желание славы увеличивает свои потенциалы. Книга способствует развитию критики, палеографии, искусства полемики и археологии знания, расширяет круг общения посредством новых форм коммуникации, способствуя

формированию коммуникативного сообщества, создаёт феномен обменных отношений деятельности между автором и читателем. Книга меняет конфигурацию человеческой чувственности, унифицирует восприятие культурных артефактов.

Книга только кажется посредником, на деле она вращается как в ценность, так и в реципиента, становится их частью. Книжная культура – даны ли книги в виде глиняных табличек, каменных стел, папирусов, свитков на коже, редкостных инкунабул, типографской продукции со свинцовыми литерами или фотопечатью, аудиовизуальных компакт-дисков или широкоэкранных слайдов, словом, любым способом, она всё равно входит в знаково-символическое, психически-ментальное и образно-чувственное пространство индивида и общности.

Л и т е р а т у р а

1. Дебре Р. Введение в медиалогию / Р. Дебре / пер. Б. Скуратова. – М. : Праксис, 2010. – 368 с.
2. Зезина М. Р. История русской культуры / М. Р. Зезина, Л. В. Кошман, В. С. Шульгин. – М. : Высшая школа, 1990. – 432 с.
3. Лешкевич Т.Г. Философия науки: Учебное пособие для аспирантов и соискателей учёной степени / Т. Г. Лешкевич – М. : ИНФРА-М, 2006. – 272 с.
4. Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева / Г. М. Маклюэн. – М. : Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», 2003. – 464 с.
5. Хёйзинга Й. Осень Средневековья: исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах // Соч. в 3 т. / Пер. с нидерл. Сильвестрова Д. В. / Й. Хёйзинга. – М. : Прогресс-Культура, 1995. – Т. 1. – 413 с.

References

1. Debre R. Vvedenie v medialogiyu / R. Debre / per. B. Skuratova. – M. : Praksis, 2010. – 368 s.

2. Zezina M. R. Istorija russkoi kulturi / M. R. Zezina, L. V. Koshman, V. S. Shulgin. – M. : Visshaya shkola, 1990. – 432 s.

3. Leshkevich T.G. Filosofiya nauki_ Uchebnoe posobie dlya aspirantov i soiskatelei uchenoi stepeni / T. G. Leshkevich – M. : INFRA-M, 2006. – 272 s.

4. Maklyuen G. M. Ponimanie Media: Vneshnie rasshireniya cheloveka / Per. s angl. V. Nikolaeva / G. M. Maklyuen. – M. : Jukovskii: «KANON-press-C»-2003. – 464 s.

5. Heizinga I. Osen Srednevekovyia_ issledovanie form jiznennogo uklada i form mishleniya v XIV i XV vekah vo Francii i Niderlandah //Soch. v 3 t. / Per. s niderl. Silvestrova D. V. / I. Heizinga. – M. : Progress-Kultura, 1995. – T. 1. – 413 s.

Kaminska O.V.

BOOK CULTURE IN THE ASPECT OF COMMUNICATION

The article studies book culture in the aspect of cultural communications. The author observes the modern crisis of book culture. In modern culture visual sources and methods of information transfer become necessary. The book loses its original meaning

Keywords: *information visualization, book, book printing, book culture, communication culture.*

Каминская Оксана Валериевна – кандидат философских наук, зав. кафедрой документоведения и технотронной информологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

E-mail: kamo06@yandex.ru

Kaminska Oksana Valerievna – candidate of philosophical sciences, associate professor, manager of department of document science and technetronic informologiya of the State Educational Establishment of Higher Professional Education «Lugansk Vladimir Dahl National University».

E-mail: kamo06@yandex.ru

Рецензент: Лустенко Андрей Юрьевич – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

Статья подана 07.09.2018